

Эпистолярный

*О «загадочной власти слова» в переписке
М.А. Волошина с М.В. Сабашниковой*

© Т.А. КОШЕМЧУК,
доктор филологических наук

В статье анализируются идеи М.А. Волошина о реализме в русской литературе, выраженные в письмах к М.В. Сабашниковой и в статьях поэта. Словесное искусство в целом понимается Волошиным как обращенное в будущее, призванное воздействовать на него, так что его призвание — просветлять грядущую действительность. Отказ литературы от идеального, фантастического, от мечты воспринимается им как вина перед жизнью, ибо, выраженное в слове, фантастическое и ужасное не случилось бы в жизни. За эпохами реализма следуют кровавые революционные взрывы, и русская революция, по Волошину, есть возмездие за столетие отказа от идеального в литературе.

Ключевые слова: Волошин, русская литература, реализм, символизм, мечта, вина, возмездие.

The article deals with Voloshin's ideas of realism in Russian literature, found in the correspondence of M. Voloshin and M. Sabashnikova and in Voloshin's articles. He interprets imaginative literature as connected with the future and its main aim as to clarify the future reality. Rejection of the fantastical, of the dream is the guilt of literature according to Voloshin, because the fantastical and the terrible if expressed in words does not happen in real life. The bloody revolutions come after the periods of realism. And Russian revolution is the retribution for the rejection of the idealistic in literature during the whole century.

Key words: Voloshin, russian literature, realism, symbolism, dream, guilt, retribution.

М. А. Волошин называл свой художественный метод *неореализмом*, подчеркивая его синтетическую природу: *реализм* вместе с *символизмом* дает новое качество по глубине проникновения в действительность. При этом под изображаемыми *реалиями* понимается вся широта действительности, и прежде всего ее духовная составляющая. От *реального* — к *реальнейшему*, то есть к духовному, таков восходящий ход развития от *реализма* к символизму; от *реального* к натуральному, к натурализму — эта тенденция деградации заложена была в развитии *реализма*, при стремлении его только к *реальности*, только вещественной. В этом совпадали теоретики символизма, и при этой общности Волошин является самобытным мыслителем, он разворачивает это положение по-своему: не повторяет сказанное и почти не включается в обсуждение таких тем, как религиозное значение русской литературы, ее мистическое содержание, обращенность к проповеди, стремление вырасти за рамки литературы как таковой, стать этическим и религиозным учением, отражение в ней народной души с ее христианским идеалом.

Мысли Волошина о русской литературе, высказанные впервые в его письмах к М. В. Сабашниковой в начальной поре их духовного союза, получают дальнейшее развитие в его статьях. Эти мысли чрезвычайно самобытны по сути, они основываются на его важнейшей интуиции *слова* как действенной *власти*, оказывающей глубочайшее воздействие на реальность. Эти мысли уже в письмах звучат афористично, отличаются чрезвычайной сгущенностью смысла, так что каждое волошинское высказывание можно было бы развернуть в целый трактат. Его оценки вырастали из его мировоззрения, цельного, глубоко продуманного, выношенного в десятилетиях.

Волошин касается не идеального начала, акцентируемого символистами в русской классике, этого скрытого в ней потока, но он осмысляет по-новому прежде всего явленное с полной очевидностью — стремление к *реалиям* жизни как таковой, к *реальности* здешней. Он оценивает эту общую тенденцию литературы XIX столетия, и оценка его может показаться «обычным парадоксом», как порой воспринимали его мысли современники. Действительно, его мысли поразительны, неожиданны, неслыханны. И важно не отмахнуться от волошинского понимания власти слова, а значит, и понимания литературы, как от только парадокса: Волошин подчеркивал, что никаких парадоксов часто нет вовсе, а есть последовательно проведенные мысли. Основная идея его такова: реализм русской литературы *виновен* в ужасах русской революции. Не парадокс ли это? Не нарочито ли эпатазирующее суждение?

К русской классике Волошин подходит из прямого следствия его глубинной интуиции: литература, как искусство слова, по преимуществу связана со стихией будущего. Он обосновывает эту мысль в статье «Ноготок», соотнося троякое деление искусств с тремя стихиями времени.

Пластические искусства творят в настоящем, претворяют и просветляют вещество мира: «Пластика говорит: “Остановись, мгновенье!”». Музыка творит в стихии прошлого, она есть искусство памяти: «Музыка: “Вспомни самого себя!”». Поэзия живет в стихии будущего, в чистой стихии воли: «Поэзия: “Да будет!”» [1. Т. 6. С. 305], вещам мира она может давать имена своей заклинательной силой, расколдовывая слово, в них застывшее; к миру внутреннему она обращена силой пророчественной.

Говоря о будущем, Волошин выделяет два пути к нему: первый путь — через ясновидение, оно есть проклятие пророков, ибо знание будущего цепенит волю, и это знание становится злым роком, разрушает иллюзию свободы. Иной способ проникновения в будущее связан с искусством — орудие его есть желание, оно само по природе своей есть предчувствие будущего: «первые лучи приближающегося будущего отражаются в нас как желание» [1. Т. 5. С. 466], сила воздействия на будущее — мечта, ее меч — искусство.

Эти мысли он впервые излагает в письмах к М. Сабашниковой в августе 1904 года. Так, он пишет ей в письме от 22 августа 1904 года о том, что слово по преимуществу связано с желанием: «Слово — чистое выражение желания — будущего. Слово — это уже само будущее, сама действительность. Другая действительность. <...> В будущем есть много потенциальных — возможных действительностей. Слово их выявляет — переводит в другую область, и этим делает их уже невозможными в жизни.

Поэтому так часто, когда боишься, чтобы что-нибудь не случилось, стараешься себе представить это событие со всеми ужасными подробностями — именно для того, чтобы это уже не перешло в действительность жизни. Совершается заклятие словом. <...> Поэтому невозможно писать о действительно пережитом — это будет только воспоминание о действительности. Но если вы будете писать о том, что живет в Вас только в качестве намека и желаемого, то получится не описание, а сама действительность: сказки, фантастика, все те вещи, читая которые вы вполне отрываетесь от действительности и, отрываясь от книги, с удивлением возвращаетесь к жизни» [Т. 11. С. 122].

В том же 1904 году, развивая эти мысли, Волошин находит им итоговые формулировки в статье «Макбет зарезал сон!», впервые опубликованной в 1904 году в «Весах» под названием «Магия творчества. О реализме русской литературы»: «Стихия слова — будущее. Если я захочу воплотить в слове то, что я пережил во всей полноте, — это будет только слабым напоминанием прошедшего. Но если я воплощаю в слове то, что живет во мне как предчувствие, как возможность, то слово само становится действительностью трепещущей и ослепительной. Описание смертной казни у Достоевского бледно и коротко, а картины безумия широки и ярки» [Т. 5. С. 468].

Волошин пояснял: Эдгар По сильнее воздействует, чем Флобер, описывающий бывшую действительность, потому что в нем проявлено

стихийное движение невыявленной действительности. В письме Маргарита Сабашникова отвечает, что дело даже не в слове, а в самой мечте: «Достаточно мечты, одной мечты. Вот это страшно. Будущее или, вернее, то, что суждено, судьба, даже не воплощается в слове, а живет одиноким и бездомным призраком, как некрещеный младенец, похищенный у матери чертом. В сказках всех народностей есть ящик, или дверь, которую нельзя открыть, от этого нарушения запрета происходит несчастье. Мечтатель преступает какой-то закон. Он берет наслаждение, и его наслаждение бесплодно; он лишается судьбы. Творец – другое, он сам, как Бог, воплощает свою судьбу – волю» [Т. 11. С. 130].

Волошин соглашается с ней в письме от 28 августа 1904 года: «Запретная дверь – это очень верно» [Там же. С. 136], и далее вновь о воздействии мечты на будущее и о ларце: «Истошить свое будущее мечтами. Это величайшая трагедия. Мне бы хотелось на это написать сказку. Тут именно запретный ларец. Но художники это всегда делают – и делают сознательно. Это основа искусства» [Там же. С. 137].

Эти *дверь* и *ларец* повторяются в статье о магии творчества, возникшей из этих разговоров: «Мечта – это великая и страшная сила. Она может быть смертельна для непосвященных и любопытных, которые легкомысленно произнесут Сезам перед заповедной дверью, которые повернут ключ в таинственном ларце. Горе тем, которые истошат свое будущее бесплодной мечтой! Но искусство дает мечте жало змеи и вечность камня. В этом загадочная власть Слова» [Т. 5. С. 467].

Волошин здесь не соглашается с Маргаритой Сабашниковой, которая не связывает слово с мечтой, «достаточно мечты», но в статье вновь проводит свою мысль о связи слова с будущим и с мечтой, он также дает «психологический» аргумент, наблюдение, которое каждый может проверить собственным опытом, речь идет о самозащите от будущего: «Будущая действительность живет в потенциальном состоянии. Она может быть выявлена мечтой, и тогда она не случится в той области, которую называют реальностью жизни. Кому не случалось, со страхом ожидая какого-нибудь события, представлять себе в мечте возможные комбинации, для того, чтобы оно не случилось именно так? Это инстинктивная самозащита человека от будущего. Это заклятие будущего мечтой. Мечта – это великая и страшная сила» [Там же].

Эти мысли Волошин варьирует в различные годы, так в статье «Ногомедон» (1909) он пишет: «Каждое слово, в которое я вкладываю душу, убивает в будущем некую возможность жизни. Каждый найденный стих говорит не о прошлом, а о будущем, которое уже не осуществится»; «Слово это принесение в жертву самого себя..., оно питается живой кровью возможного!» [Т. 6. Кн. 1. С. 303]. В статье «Апофеоз мечты» (1912) читаем: «Творчество всегда есть избрание того, что могло быть и уже не случится в жизни...» [2]. В черновых записях к лекции 1921 года

мы находим: «Магические силы мечты: дети представляют себе: чтобы не случилось. Опасность вымечтать жизнь. Жертвенность творческой мечты. То, что нашло воплощение в искусстве, не будет пережито в жизни» [Т. 6. Кн. 2. С. 716]. Здесь действительно краткий конспект прежних мыслей, из переписки с Маргаритой Сабашниковой 1904 года, сохраняющих свою значимость для Волошина и в поздние годы.

О «жертвенности творческой мечты» в 1904 году Волошин писал: «Те гении, в организме которых заложена чересчур сложная и буйная судьба, неизбежным инстинктом самосохранения торопятся воплотить ее в произведениях искусства. Самоотверженные иногда успевают перелить всю свою судьбу, все свое будущее в свое творение. Поэтому истинная жизнь художника всегда полнее и вернее воплощена в его творении, чем в его биографии» [Т. 5. С. 468].

Итак, от связанности слова с будущим и выявления его в мечте Волошин приходит к важнейшему итоговому заключению: *то, что нашло воплощение в искусстве, не будет пережито в жизни*. Верно и обратное: если искусство ограничивает себя рамками рационального, не изживает фантастического, то действительность воплощает в себе всю невыявленную, не переведенную в иную реальность фантастичность, все ужасы ее. Об этом в письме к М. В. Сабашниковой от 18 сентября 1904 года, в котором от описания кошмаров русско-японской войны мысль Волошина обращается к их первопричине и впервые обретает «странный» ответ: «Мне приходят странные мысли. Этого бы не было, если бы люди раньше “мечтали” об этом. Может, долгому периоду реализма в литературе мы обязаны тем, что все эти ужасы, которым место в фантастическом рассказе, пробили свое русло в реальную жизнь? Символисты пришли слишком поздно и не смогли мечтой исчерпать страшного будущего» [Т. 11. С. 142].

Так, высоко оценивая период символизма в искусстве – именно с точки зрения его целительного воздействия на будущее, на саму жизнь, его обращенностью в сферу идеального, Волошин осознает: поздно. После века реализма и только реализма новому искусству уже не успеть одолеть вину прежнего.

Далее в письме Волошин обобщает: «Эпохи ужасов и зверств всегда следуют за эпохами упадка фантазии, бесилия мечты», – и иллюстрирует эту мысль примерами из французской истории: «Французская революция после 18 века. Коммуна – после Флобера и Гонкуров. Наоборот – возможные ужасы 48 года были предотвращены романтизмом и политическими утопиями» [Там же].

То же обобщение, отстоявшееся, выверенное, в статье «Макбет резал сон!» уже сформулировано как *закон выявления будущего мечтой*: «Этот закон выявления будущего мечтой, незывлемый для отдельного человека, незывлем и для целых народов. Горе тем народам, которые

задушили в себе фантазию и любовь к мечте. Горе Макбету, зарезавшему сон!» [Т. 5. С. 468].

В этой статье Волошин также дает иллюстрации из французской истории: «После двух веков рационализма неизбежно наступает кошмар террора и сказка о Наполеоне. После М-те Бовари, после Курбэ – Кровавая Неделя. Наоборот, 48 год, который мог быть таким ужасным в своей кровавости, был ослаблен предшествовавшим романтизмом» [Там же].

В письме к М. Сабашниковой Волошин, начиная со «странных мыслей», завершал отрывок смягчающей добавкой: «Эта связь только в первый момент кажется странной. Потом это становится так логично, так неизбежно...» [Т. 11. С. 142]. В статье оговорка опущена: мысль, продуманная до конца, стала действительно неизбежной.

Наконец, мы подходим к оценке русской литературы из этих предваряющих соображений. Именно об этом заключительная часть его статьи – к ней все и шло: «Русская литература в течение целого столетия вытравляла мечту и требовала изображения действительности, простой действительности, как она есть. На протяжении целого столетия Гоголь и Достоевский, одни, входили в область мечты. И кто знает, какие ужасы остались неосуществленными благодаря им в начале восьмидесятых годов!

Чехов в своем многоликом муравейнике исчерпал всю будничную тоску русской жизни до дна, и она подошла к концу.

Подымается иная действительность, фантастическая, которой не место в реальной жизни потому, что ее место в искусстве.

Начинается возмездие за то, что русская литература оскопила мечту народа» [Т. 5. С. 468–469].

Стоит обратить внимание: Волошин говорит о *начале* возмездия: во время русско-японской войны. В созвучии с тем, что символисты *пришли слишком поздно...* и предотвратить надвигающееся *возмездие* не смогли. Именно это слово стоит в начале его статьи 1904 года: «Свершилось... Наступают минуты возмездия. Это действительность мстит за то, что ее считали слишком простой, слишком понятной!» [Там же. С. 465]. Кошмары русско-японской войны при всей их непереносимости (он приводит ужащающие факты), это лишь *минуты* возмездия... и наступят многие и многие иные минуты. Этим же словом – *возмездие* – и заканчивается статья. Характерно, что и в предшествующем статье письме к Сабашниковой он говорил о *возмездии*, но более ярко: за русскую литературу раплачивается сама Россия: «Теперь Россия расплачивается за целый век реализма. Действительность мстит за себя, если ее считают слишком простой. Она принимает самые чудовищные и невероятные формы, чтобы заставить к себе относиться с мистическим трепетом» [Т. 11. С. 142].

Искусство – не забава, не украшение жизни, не нечто отдельное от нее, связи между разными сферами жизни гораздо глубже, чем может показаться рассудку, все сводящему к простому и понятному, – жизнь

вообще в ее сложности и не может быть постигнута лишь рассудком, охвачена рассудочными формами. Изгнание из жизни и искусство духовного, изгнание *мистического* к ней отношения — речь идет именно об этом — непременно отразится бедами, ибо из неполной действительности не может возникнуть добрых плодов, изгнание из жизни духовного отразится в ней неизбежно злом, искаженностью пропорций, ограниченностью, ложью — и *возмездием*. Ведь, по мысли Волошина, запрет на духовное, на мечты, сны и фантастику в словесном искусстве вытесняет фантастическое и ужасное в саму жизнь.

В связи с этим он высоко оценивает роль Достоевского, о котором пишет в письме так: «Сколько ужасов, предстоявших России, искупил Достоевский! Он ведь был единственным противовесом террору, расхажившему с 78 года» [Там же].

Речь идет о воссоздании действительности во всей ее полноте, не в здешней *реальности* как таковой только; ужасы *реального* предотвращаются писателем (носителем *высшего реализма*) опережающим переживанием его в *мечте*, то есть в художественных идеях, в творении словесном. Писатель, выходя из сферы *реального*, *искупает* ужасное в жизни.

Роль Толстого совершенно противоположная: «А если есть виновные в настоящей войне (Волошин в письме Сабашниковой вновь возвращается к небывалым ужасам русско-японской войны.— Т.К.), — то это Толстой, заморозивший много поколений в узких рамках рациональной морали, и марксизм, оскопивший фантазию всех русских детей. За насилие над мечтой дорого приходится расплачиваться» [Там же].

Мысль о Толстом не вошла в текст статьи, вероятно, в силу ее радикальности: приравнивания воздействия на русскую жизнь творчества Толстого и — марксизма.

Волошин говорит о ряде суживающих жизнь и искусство явлений, и в этот же ряд вместе с Толстым и марксизмом встает в его рассуждении и французский *реализм*, основанный на рационализме. Все явления этого ряда замкнуты в рассудок, не выходят за его пределы и в своем воздействии на действительность вгоняют ее в прокрустово ложе *простого* (рассудочного), отрезают как несуществующее ту ее сферу, которая у Волошина обозначена как противопоставленные *реализму: сон* (зарезанный), *мечта* (оскопленная), *фантастическое* (изгнанное); в конечном итоге несуществующей для названных явлений искусства оказывается, как и для марксизма, сфера духа.

О кажущейся странности в сопоставлении: русская литература — Россия, не наоборот; о неизбежности расплаты *России* — за ее литературу, не обратное, за отступления литературы от сущности словесного творчества, в *реализм* и натурализм. Здесь стоит учесть еще один аспект в волошинских взглядах на сущность литературы. Литература предназначена к *размыванию твердых пород мира* через слово: «Во всех вещах

и явлениях мира пленено то божественное слово, которое их вызвало к бытию. Цель поэзии найти его: угадать подлинное имя каждой вещи, изнавать все явления, расколдовать вселенную» [Т. 6. Кн. 2. С. 363]. Поэзия имеет заклинательную власть над явлениями жизни, если слово поэта рождается из глубины его чувства, воли, мысли и несет в себе «...всю полноту сознания, воли, чувства, / Все трепеты и все сиянья жизни» [Т. 1. С. 217].

Но слово в литературе *реализма*, стремящееся зеркально отразить и воспроизвести действительность как она есть, не касается глубин жизни, не освобождает духов из *темных пород мира*. И при отсутствии в целых эпохах этого освобождающего и просветляющего мир творчества, при отказе от него и запрете его — страдает сам *мир*, все темное и неосвобожденное в *творческой мечте* художника врывается в саму жизнь со всеми своими разрушительными силами и воздействиями. И в *мире* литература *только реалистическая* не способна очистительно воздействовать на его будущее, в ней нет и не может быть той жертвенности творчества, которая одна только и может это будущее просветлить и спасти.

Волошин взывал к *ответственности* художника слова, слова, которое своей загадочной незримой властью воздействует на будущее, если обращено к духовным глубинам мира.

Литература

1. Волошин М. А. Собр. соч. М., 2000–2013. Далее указ. только том и стр.
2. Волошин М. А. Лики творчества. Л., 1988. С. 23.

Санкт-Петербургский государственный университет

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ
научного проекта № 16-34-00032.